Magistra Vitae. 2026. Т. 11, вып. 2. С. 45–58.
Magistra Vitae. 2026;11(2):45-58.

Научная статья

УДК 94

https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-2-45-58

«Привычка спрашивать согласие Австралии, когда всё уже решено… разрушит империю»: Уильям М. Хьюз и австралийская реакция на Чанакский кризис 1922 г.

Александр Викторович Ражев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, guibert@mail.ru, https://orcid.org/0009-0002-2611-0809

Аннотация. Статья посвящена анализу позиции Австралийского Союза в Чанакском кризисе 1922 г. — конфликте между Великобританией и кемалистской Турцией, едва не переросшем в новую войну на Востоке. На основе секретной дипломатической переписки, парламентских стенограмм и мемуаров раскрываются особенности австралийской реакции на запрос Лондона о военной поддержке. В статье анализируется ключевая особенность мировоззрения австралийского руководства — парадоксальное сочетание безусловной имперской лояльности с жёстким отстаиванием австралийского национального интереса. Важнейшим источником для понимания этой двойственности служит телеграмма премьер-министра Уильяма М. Хьюза от 20 сентября 1922 г. Лидер австралийских националистов требовал равноправного доступа к информации и участия в выработке внешнеполитических решений, в которых должны быть учтены и национальные интересы доминионов, а не только Великобритании. При этом он подтверждал готовность Австралии сражаться — однако лишь в «хорошем деле», оправданном интересом всей империи. Особое внимание обращается на внутриполитический аспект реакции У. Хьюза, который в условиях нарастающего недовольства внутри собственной партии и накануне федеральных выборов был поставлен действиями Уайтхолла в сложную ситуацию. Парламентские дебаты сентября 1922 г. выявили глубокий раскол: оппозиция (лейбористы) требовала референдума и называла конфликт «империалистической авантюрой», тогда как правящая коалиция настаивала на безусловной поддержке Империи. У. Хьюзу удалось провести резолюцию, но события Чанакского кризиса отчасти стали причиной его скорой отставки. При этом его критика процедуры принятия решений в Лондоне осталась одной из самых острых среди всех доминионов. В статье также рассматриваются последствия кризиса, и прежде всего закрепление права доминионов самостоятельно ратифицировать договоры и определять вектор внешней политики на основе собственных интересов. Делается вывод, что «гневная телеграмма» У. Хьюза и настроения австралийских парламентариев ускорили переход от иерархической логики имперских отношений к Вестминстерской системе.

Ключевые слова: Чанакский кризис, Австралия, Уильям Хьюз, Британская империя, доминионы, имперские отношения, Содружество наций, парламентские дебаты, внешняя политика

Для цитирования: Ражев А. В. «Привычка спрашивать согласие Австралии, когда всё уже решено… разрушит империю»: Уильям М. Хьюз и австралийская реакция на Чанакский кризис 1922 г. // Magistra Vitae. 2026. Т. 11, вып. 2. С. 45–58. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/46-magistra-vitae-2-2026.html https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-2-45-58

Original article

https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-2-45-58

«This habit of asking Australia to agree to things when they are done… will wreck the Empire»: William M. Hughes and the Australian response to the Chanak Crisis of 1922

Alexander V. Razhev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, guibert@mail.ru, https://orcid.org/0009-0002-2611-0809

Abstract. The article analyses the position of the Australian Commonwealth during the Chanak Crisis of 1922 — a conflict between Great Britain and Kemalist Turkey that nearly escalated into a new war in the East. Drawing on

© Ражев А. В., 2026

secret diplomatic correspondence, parliamentary transcripts and memoirs, the study reveals the distinctive features of Australia's reaction to London's request for military support. It examines a key feature of the Australian leadership's worldview — the paradoxical combination of unconditional imperial loyalty with a firm defense of Australian national interests. The most important source for understanding this duality is Prime Minister William M. Hughes's telegram of 20 September 1922. The leader of the Australian nationalists demanded equal access to information and participation in the formulation of foreign policy decisions, in which the national interests of the Dominions — not just those of Great Britain — should be taken into account. At the same time, he reaffirmed Australia's readiness to fight — but only in a "good cause" justified by the interest of the entire Empire. Particular attention is paid to the domestic political dimension of Hughes's reaction: he was placed in a difficult position by Whitehall's actions amid growing discontent within his own party and on the eve of federal elections. Parliamentary debates in September 1922 revealed a deep split: the opposition (Labour) demanded a referendum and called the conflict an "imperialist adventure," while the ruling coalition insisted on unconditional support for the Empire. Hughes managed to secure passage of a resolution, but the events of the Chanak Crisis partly led to his early resignation. At the same time, his criticism of London's decision-making procedures remained among the sharpest of all Dominions. The article also examines the consequences of the crisis, above all the consolidation of the Dominions' right to ratify treaties independently and to determine the direction of their foreign policy based on their own interests. It is concluded that Hughes's "angry telegram" and the mood of the Australian parliamentarians accelerated the transition from the hierarchical logic of imperial relations to the Westminster system.

Keywords: Chanak Crisis, Australia, William Hughes, British Empire, Dominions, imperial relations, Commonwealth of Nations, parliamentary debates, foreign policy

For citation: Razhev AV. "This habit of asking Australia to agree to things when they are done… will wreck the Empire": William M. Hughes and the Australian response to the Chanak Crisis of 1922. *Magistra Vitae*. 2026;11(2):45-58. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/46-magistra-vitae-2-2026.html https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-2-45-58

Введение

Первая мировая война ускорила трансформацию Британской империи. Вклад доминионов в общую победу, их отдельное представительство в Париже и членство в Лиге Наций создали новый, более сложный контекст имперского взаимодействия. Если к началу XX в. Уайтхолл определял внешнюю и оборонную политику, а правительства доминионов следовали в его фарватере, то после 1918 г. эта модель начала давать трещины. Одним из самых ярких эпизодов, обнаживших эти противоречия, стал Чанакский кризис сентября 1922 г. — конфликт между Великобританией и кемалистской Турцией, в ходе которого Лондон впервые после 1914 г. не получил автоматического согласия доминионов на участие в военных действиях. Кризис заставил политические элиты как в метрополии, так и в доминионах пересмотреть принципы имперского взаимодействия и в конечном счёте ускорил переход от империи к Содружеству наций. Как отмечает В. В. Грудзинский, в 1920-е гг. «империализм, как "господствующая форма" конституционального национализма, быстро трансформировался», уступая место отношениям, в которых «самосознание национальной судьбы шло на смену великодержавному имперскому патриотизму» [Грудзинский, 1996, с. 297].

Несмотря на признанную важность Чанакского кризиса, позиция такого крупного доминиона, как Австралия, редко оказывалась в фокусе пристального внимания британской историографии. Первую развёрнутую интерпретацию событий дал У. Черчилль в «Мировом кризисе», подчеркнув готовность «белых» доминионов, особенно Австралии и Новой Зеландии, поддержать метрополию [Черчилль, 1932, с. 280–300]. Эта версия надолго утвердила «метропольный» нарратив имперского единства (Дж. Кендла и Б. Фаррелла), оставив без внимания острую критику доминионов[1]. Лишь в 1960-х гг. историки Содружества стали рассматривать Чанак как переломный момент в эволюции имперских отношений, однако подробно австралийская позиция рассмотрена ими не была [Holland, 1981; Darwin, 2009; Thomas, Toye, 2017]. Это характерно и для работы Д. Уолдера, оснащающейся на сегодняшний день одним из наиболее полных исследований кризиса, хотя в ней и цитировался «обескураживающий ответ» австралийского правительства [Walder, 1969, p. 216]. Исключением стала только статья М. Арнольда-Форстера, который ввёл в научный оборот полную негодования переписку австралийского премьера» [Arnold-Forster, 1968].

В австралийской историографии события 1922 г. рассматриваются прежде всего через премьерство Уильяма Мориса Хьюза. П. Сейлс

[1] В классическом труде Дж. Уильямсона Чанакский кризис вообще не упоминался.

доказывал, что австралийский премьер, вопреки распространённому мнению, никогда официально не соглашался на отправку контингента, ограничившись лишь публичной декларацией [Sales, 1977, p. 389–404]. К. Бридж, автор одной из немногих биографий У. Хьюза, характеризует «маленького копателя» как «реалиста, а не идеалиста», умевшего «парить над противоречиями», сочетая безусловный имперский патриотизм с жёстким отстаиванием национальных интересов [Bridge 2011, p. 99]. Дж. Коттон в статье фокусирует внимание на том, что У. Хьюз пытался совместить две, казалось бы, противоположные идеи: преданность Британской империи и растущий австралийский национализм [Cotton 2015, p. 101–119]. Х. Кафф интерпретирует Чанак как яркое проявление «административной дезорганизации» Империи и разнородности интересов её членов, что в конечном счёте подтолкнуло Лондон к прояснению статуса доминионов [Cuffe 2021, p. 37–41].

В отечественной историографии Чанакский кризис освещён фрагментарно. В обобщающих трудах по истории Австралии К. В. Малаховского и Н. С. Скоробогатых кризис вообще не упоминается. Отдельные отечественные работы, затрагивающие кризис в Чанаке, фокусируются либо на послевоенном урегулировании [Аноп, 2013], либо на имперской проблематике [Грудзинский, 1996]; либо на канадской реакции [Ильина, 2011] лишь вскользь упоминая Австралию. Отдельно стоит упомянуть статью Е. В. Кашиной, в которой кратко констатируется двойственная позиция австралийского истеблишмента по чанакской проблеме: «публично не осудил позицию Ллойд Джорджа, но при этом и не поддержал» [Кашина 2018, с. 5].

Таким образом, существует заметная лакуна: отсутствует комплексное исследование, которое бы — на основе дипломатической переписки, черновиков У. Хьюза, парламентских стенограмм и его мемуаров — реконструировало австралийскую реакцию на участие Великобритании в греко-турецком кризисе, включая соотношение публичной и приватной риторики, внутриполитические эффекты. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел.

Источниковую базу статьи составляют: секретный меморандум британского кабинета министров от 20 сентября 1922 г.[2]; подборка документов из Национального архива Австралии, включающая черновики телеграмм Хьюза и его переписку с генерал-губернатором[3]; стенограммы заседаний Палаты представителей и Сената Австралийского Союза за сентябрь 1922 г.[4]; программная речь Хьюза в федеральном парламенте 7 апреля 1921 г.[5] и его мемуары[6]. Сравнение риторики 1921, 1922 и 1928 гг. позволяет проследить эволюцию взглядов австралийского лидера.

Кризис в Чанаке и реакция доминионов

К осени 1922 г. греческая армия, двумя годами ранее поддержанная союзниками, была полностью разгромлена войсками турецкого национального движения во главе с Мустафой Кемалем. В результате его продвижения под угрозой оказалась нейтральная зона, установленная Севрским договором 1920 г., подписантом которого была Австралия. Вскоре Кемаль потребовал отмены Севрского договора и возврата всех утраченных Турцией земель, включая Константинополь и зону проливов. В начале сентября турецкие войска захватили Смирну. В районе Чанака (Чанаккале) находился небольшой британский гарнизон — по сути, последний барьер на пути кемалистов.

15 сентября 1922 г. британский кабинет во главе с Д. Ллойд Джорджем принял решение «твёрдо обеспечить полуостров Галлиполи для сохранения свободы Проливов» и не пустить воска Кемаля в Константинополь[7]. Прямо на заседании Д. Ллойд Джордж и министр по делам колоний У. Черчилль составили секретную телеграмму премьер-министрам доминионов. В ней излагалась военно-стратегическая мотивировка и заверения, что Франция и Италия действуют солидарно (не упоминая правда, что Франция и Италия, чьи войска также присутствовали в районе проливов, были настроены гораздо менее решительно британцев [Churchill, p. 286–287]), а Греция, Румыния и Сербия приглашены к сотрудничеству. Подчёркивалось, что демонстрация силы со стороны широкой коалиции держав, скорее всего,

[2] The National Archives (TNA) PRO. CAB 24/138. L. 483–503. «C.P. 4200 “Cabinet Memorandum. The Turco-Greek Situation. Co-operation of the Dominions”. 20 September 1922».

[3] National Archives of Australia (NAA): CP78/32, 1. L. 1-243.

[4] Commonwealth of Australia. Parliamentary Debates. House of Representatives, 19 September 1922, p. 2349-2350.

[5] Hughes W. Speech delivered in the Federal House of Representatives. Melbourne, 1921.

[6] Hughes W. The Splendid Adventure: A Review of Empire Relations Within and Without the Commonwealth of Britannic Nations. London: Ernest Benn Limited, 1929.

[7] THA PRO. CAB 24/138. L. 483-484.

удержит Кемаля от силовых действий и заставит его сесть за стол переговоров. Далее шла прямая просьба о контингентах, подкреплённая эмоциональным аргументом: «Мы не можем забыть, что полуостров Галлиполи содержит более двадцати тысяч британских и анзакских могил…»[8]. Поэтому У. Черчилль отмечал, что «особую важность мы придавали решениям Австралии и Новой Зеландии… Перспектива опять встретиться лицом к лицу с добровольцами Австралазии должна была немало умерить воинственный пыл турок» [Черчилль, 1932, с. 293]. От доминионов требовалась не столько немедленная отправка войск, сколько политическая демонстрация единства империи. К тому же британское правительство уже сталкивалось с нежеланием доминионов участвовать в имперской «полицейской» в Месопотамии в 1920-м г.

Однако процедура оповещения доминионов привела к серьёзному политическому сбою. Новая Зеландия немедленно, что было удивительно для субботнего дня, и безоговорочно согласилась отправить контингент. «Имперский дух ярко проявился по всему Доминиону» — констатировал генерал-губернатор лорд Джеллико — в Веллингтоне была начата запись добровольцев[9]. Если самый отдалённый доминион, — описывал впечатление министра колоний М. Арнольд-Фостер, — может ответить в течение нескольких часов, то другие ответы уже в пути [Arnold-Forster, 1968, p. 170]. По мнению австралийского историка П. Сейлса, они были в некоторой степени обмануты собственной риторикой о солидарности Империи [Sales, 1977, p. 394]. По мнению К. Бриджа знание в Уайтхолле того факта, что австралийское правительство уже отказывало в войсках, «вполне могло побудить его придумать уловку с обнародованием информации, прежде чем доминионы успеют сказать «нет», тем самым связав премьерам руки [Bridge, 1981, p. 76]. Поэтому уже 16 сентября У. Черчилль передал содержание телеграммы агентству «Рейтер». В результате канадский премьер Маккензи Кинг и австралийский премьер Уильям Хьюз узнали о запросе метрополии не из секретной депеши, а из воскресных газет, что вызвало особое раздражение в Оттаве и Мельбурне [Sales, 1977, p. 394; Bridge, 2011, p. 102]. Таким образом, телеграмма, задуманная как инструмент демонстрации имперского единства, на практике спровоцировала глубокий конституционный кризис.

Южноафриканский премьер Я. Смэтс фактически уклонился от ответа. Сталкиваясь с африканерским национализмом Дж. Херцога, он высказался за передачу режима Проливов под контроль Лиги Наций [Holland 1981, p. 16]. Премьер-министр Канады У. Л. Маккензи Кинг, заявил, что вопрос может быть решён только Палатой общин, но для его созыва на внеочередную сессию были нужны веские основания, подразумевающие предоставление более полной информации со стороны Лондона. По мнению О. В. Ильиной, канадский лидер поставил метрополию в позицию, когда она должна была выложить «карты на стол» ради получения желаемого, либо признать факт искусственного нагнетания ситуации [Ильина, 2011, с. 51]. За этим процедурным педантизмом скрывалась принципиальная позиция. Как отмечает В. В. Грудзинский, М. Кинг последовательно отстаивал доктрину, согласно которой «в международных вопросах, прямо затрагивающих канадские интересы… доминион должен иметь собственную внешнюю политику» [Грудзинский 1996, с. 294]. Канада, по сути, заявила, что решение о войне и мире больше не принимается в Уайтхолле автоматически. Как констатирует Х. Кафф, Чанак продемонстрировал, что «существующая имперская система консультаций несостоятельна» и доминионы «публично и приватно отвергали перспективу быть втянутыми Британией в конфликт, не затрагивающий ни их регион, ни их национальные интересы» [Cuffe, 2021, p. 30].

В Австралии У. Хьюз, готовый «нагло, открыто и вызывающе отстаивать отдельные интересы Австралии» [Cotton, 2015, p. 102] получил телеграмму вечером в воскресенье, 17 сентября. К тому моменту он уже прочитал о кризисе в воскресных газетах. Ситуация стала для него «громом среди ясного неба» [Arnold-Forster, 1968, p. 172]. Несмотря на очевидную необходимость спешки и британское утверждение, что объявление о поддержке со стороны доминионов «само по себе, несомненно, окажет самое благоприятное влияние на ситуацию», У. Хьюз не дал ответа. Австралийский премьер был в ярости [Bridge, 2011, p. 102; Cuffe, 2021, p. 30]. По телефону он проконсультировался с максимально возможным числом своих коллег. Затем он объявил прессе, что правительство отправило ответ в Лондон, «заявляющий, что Австралия присоединится к любым необходимым действиям, включая отправку контингента, чтобы обеспечить святость Галлиполи». Однако премьер отказался

[8] NAA: CP78/32, 1. L. 236-237.

[9] THA PRO. CAB 24/138 L. 485-486.

отправлять официальное уведомление о своём решении в Лондон до обсуждения в парламенте «для того, чтобы он мог выразить своё мнение по всему вопросу» [Sales, 1977, p. 395].

Реакция австралийского парламента на кризис

Как и в ситуации с Месопотамией двумя годами раньше, У. Хьюз вновь оказался перед необходимостью выбирать между финансовой осторожностью, национальными интересами и имперской солидарностью, но если в 1920 этот выбор остался в тиши его кабинета, то теперь оказался под давлением прессы и накануне достаточно сложных для него всеобщих выборов. Он не мог вынести свой гнев на публику, поднимая несвоевременные вопросы имперской солидарности перед «эмоционально заряженной нацией» [Sales, 1977, p. 395]. Премьер-министру пришлось лавировать между обвинениями оппозиции за «расточительный» бюджет, скепсисом части союзников и собственной партии, в которой всё больше росло негодование против грубости и авторитаризма своего лидера.

Обсуждение кризиса в австралийском парламенте началось 19 сентября. Премьер подтвердил, что правительство «желает ассоциировать себя с британским правительством в любых действиях, которые сочтут необходимыми для обеспечения свободы Проливов и святости полуострова Галлиполи и будет готово, если обстоятельства потребуют, отправить контингент австралийских войск»[10]. Но в то же время, многократно подчеркнув строго оборонительный характер британской политики, а также что «демонстрация нашего намерения является самым верным способом предотвратить войну», он отметил, что «насколько жизненно важна свобода Дарданелл для интересов Империи… мы считаем правильным заявить, что Союз не будет тащиться за колесницей амбиций какой-либо нации… мы не хотим принимать участие в какой-либо флибустьерской экспедиции[11]. Как отмечает К. Бридж, У. Хьюз был «мастером политического театра», он превратил готовность к войне в высшую форму пацифизма (парадокс „сила как гарантия мира“) и тем самым перехватил инициативу у оппозиции. Он подтвердил имперскую лояльность, не обещая при этом отправки войск без дополнительных условий, среди которых он особенно подчёркивал требования предоставления полной информации по ситуации на Востоке, а также передачи греко-турецкого спора «на арбитраж конференции в Вене или Лиги Наций в Женеве»[12].

Заявление У. Хьюза встретило весьма бурную реакцию лейбористов. Их лидер Мэтью Чарлтон не отрицая имперской солидарности, тем не менее настаивал на том, что решение о войне не может приниматься единолично правительством: «мы не должны позволять правительству отправлять войска за границу, предварительно не посоветовавшись с народом Австралии»[13]. В своей речи он активно использовал фигуру «обманутого солдата/народа» — тех, кого отправляют воевать, не объясняя истинных причин. М. Чарлтон указал, что конфликт в Чанаке «таит в себе все возможности ещё большего пожара, чем предыдущий», и может вылиться в новую мировую войну, а вместе с тем и в новую революционную волну. Призывая не относиться к отправке войск легкомысленно, лидер лейбористов выразил удивление тем, что кризис не был передан в Лигу Наций. Более того, М. Чарлтон указал, что во многом кризис был спровоцирован действиями самой Великобритании и Франции, поддержавших авантюры греческого короля Константина в Турции. Поэтому особенно остро и крайне эмоционально звучал его вопрос: «если мы собираемся сражаться за Империю, то, безусловно, справедливо, чтобы те, кто стоит во главе Империи, посвятили нас в свои тайны и сказали нам, за что мы сражаемся. Должны ли мы не задавать вопросов? Мы просто посылаем солдат, тратим тысячи фунтов и жертвуем лучшими нашими мужчинами, оставляя здесь вдов и сирот или возвращаясь искалеченными и неспособными работать, так что многие из них вынуждены будут просить подаяние на улицах — и делать всё это, не задавая вопросов?»[14]. «Пусть народ Австралии спросят, одобряет ли он отправку австралийских солдат за границу в настоящее время» — констатировал М. Чарлтон, критикуя мнение премьера о нецелесообразности референдума в таким важном для Австралии вопросе, как новая война.

На левом фланге депутат Майкл Консайдин заострил критику до предела, назвав надвигавшийся конфликт новой «империалистической войной». Он прямо обвинил У. Хьюза и Д. Ллойд Джорджа в фабрикации кризиса ради «хакиевых выборов» для спасения своих кабинетов[15].

[10] House of Representatives, 19 September 1922, p. 2349.
[11] House of Representatives, 19 September 1922, p. 2349.
[12] House of Representatives, 19 September 1922, p. 2350.
[13] House of Representatives, 19 September 1922, p. 2352.
[14] House of Representatives, 19 September 1922, p. 2353.
[15] House of Representatives, 19 September 1922, p. 2362.

Обвиняя Великобританию в поддержке греческой авантюры, он патетически вопрошал: «Предлагается вырыть ещё 20 000 могил на Галлиполи, и для чего?» — и продолжал: «Ни одного человека, ни одной винтовки, ни одного шиллинга с моей стороны!.. Не в интересах рабочих следовать за колесницей империалистических авантюр»[16]. Хотя позиция М. Консайдина не была поддержана и даже вызвала бурю негодования, она добавила радикальную ноту в общий тон лейбористской критики, заставляя правительство постоянно напоминать, что речь идёт даже не о нападении, а лишь о демонстрации общеимперской солидарности при отсутствии реальной угрозы войны на Востоке.

Лидер Сельской партии Эрл Пейдж, соглашаясь с необходимостью помощи Лондону, выдвинул между тем оговорку — поддержка должна быть «обусловлена прозрачностью», требуя «самой полной возможной информации не только о позиции Британии, но и о позиции каждой части Империи»[17]. Интересно, что лидер аграриев отметил необходимость пересмотра Севрского договора как слишком несправедливого для Турции, в защиту которого Австралии не следовало бы вступать с таким пылом. Это показало, что даже союзники У. Хьюза не вполне разделяли его взгляды. Однако доминировавшие в палате националисты поддержали премьера. Так сэр Роберт Бест сформулировал кредо безусловной лояльности к «материимперии»: «В этом вопросе мы либо за Империю, либо против неё. Лично я придерживаюсь принципа: „Моя страна, права она или нет“»[18].

К концу заседания 19 сентября Хьюз получил формальное одобрение, но оппозиция и часть коалиции остались настроены скептически: лейборист Фрэнк Бреннан сделал личное заявление: голосование за публикацию заявления премьера не означает одобрения его ответа[19]. В следующие дни Хьюзу удалось отклонить идею парламентского комитета для просмотра телеграмм, ссылаясь на «прямые указания Форин Офиса»[20]. «Телеграммы секретны. Приглашаю лидера оппозиции в мой кабинет — он может посмотреть их лично» — заявил Хьюз М. Чарлтону[21].

В Сенате, где правительство имело более устойчивое большинство, дебаты были жёстче по тону. Лидер оппозиции в Сенате Альберт Гардинер в своей часовой речи заявил: «Правительство своей властью уже обязало Австралию к войне», хотя парламент не собирался. Он напоминал правительству, что «прежде чем обещать новые контингенты, правительство должно заплатить за прошлые. Австралия ещё не оправилась от ран последней войны»[22]. А. Гардинер, как и М. Консайдин, использовал классовую риторику, но с акцентом на финансовое неравенство: богатые якобы не платили за прошлую войну, а теперь хотят новой. Сенатор Дрейк-Брокман (Западная Австралия) обвинил лидера лейбористов в потворстве «шумному и нелояльному элементу» и провозгласил: «если честь или безопасность Империи затронуты, то последний человек и последний шиллинг штата доступны Империи»[23]. В ответ А. Гардинер демонстративно заявил, что «знает только одну страну — это Австралия», и допустил, что республика могла бы быть дешевле. Он даже усомнился в важности для Австралии британского флота, что вызвало бурю негодования на правительственных скамьях. Но этот республиканский дискурс (пусть и не развёрнутый) был пределом допустимого в австралийской политике 1922 г.

Сенатор Джон Макдональд (Квинсленд) продолжил атаку и высказал витавшее в воздухе, но редко произносимое вслух подозрение: «вся эта проблема… есть результат небольшой истерии со стороны британского премьер-министра», а «эта истерия, по-видимому, передалась и нашему премьер-министру»[24]. Он по сути публично назвал кризис сфабрикованным, что подрывало саму легитимность обсуждения. Эти слова вызвали гневную реакцию лидера правительства в Сенате Эдварда Миллена, который назвал обвинения «отравленным излучением больного разума»[25].

Сенаторы от правящей партии — от Гарольда Эллиотта, который приводил конкретные примеры набора добровольцев, до Джеймса Гатри — выступили с яркими речами в защиту имперской солидарности, апеллируя к эмоциональной памяти о Галлиполи и долгу перед павшими. Но даже среди лояльных к У. Хьза однопартийцев звучали прагматические ноты. Так, сенатор Бакхап признал, что Австралия формально не обязана воевать, поскольку «Империя

[16] House of Representatives, 19 September 1922, p. 2362.
[17] House of Representatives, 19 September 1922, p. 2355.
[18] House of Representatives, 19 September 1922, p. 2359.
[19] House of Representatives, 20 September 1922, p. 2443.
[20] House of Representatives, 22 September 1922, p. 2612.
[21] House of Representatives, 22 September 1922, p. 2612.
[22] Senate, 20 September 1922, p. 2396.
[23] Senate, 20 September 1922, p. 2403.
[24] Senate, 20 September 1922, p. 2409.
[25] Senate, 20 September 1922, p. 2433.

не имеет оборонительного договора», но призвал к лояльности. При этом он дал неожиданный сигнал Лондону: «Если Австралия признаёт свои обязанности, то она вправе в самой дружественной манере предложить Британии, чтобы австралийские производители учитывались прежде иностранных. Во время прошлой войны мясо закупалось в Аргентине, а не у нас»[26]. К концу дня Сенат всё же принял правительственную резолюцию, но разногласия остались глубокими.

На этом дебаты по Чанаку в парламенте не прекратились. В дальнейшем оппозиция не раз поднимала вопрос о ходе кризиса и о степени информированности австралийского правительства. Так, к концу месяца, когда ситуация подошла к критической черте: кемалисты вошли в нейтральную зону и сконцентрировались у Чанака, вновь в полный рост встал вопрос об отправке контингентов. Но к этому времени тон австралийского премьера переменился: «На каждом подписанте Севрского договора лежит обязательство поддерживать его положения. Если мы хотим заменить силу правом, соблюдение договоров необходимо. Мы — часть Империи, но также и подписанты. Британия стоит в Чанаке как представитель международной полиции»[27]. Это был ключевой поворот в дискуссии: У. Хьюз сместил аргументацию из области чувств (лояльность, могилы АНЗАКа) в область юридических обязательств. Он легитимировал войну как правоприменительную акцию, а не как империалистическую авантюру. Оппозиция оказалась не готова оспорить договорную аргументацию. Тем более австралийский лидер активно использовал в качестве аргумента угрозу большой войны. Он предупреждал Палату о масштабах потенциальной войны, если не будет достигнуто соглашение с Кемалем: «[война] не начнётся и не закончится в одной Турции. Она вовлечёт Балканы, а это не может не вовлечь Советскую Россию. Она не может пробудить Турцию, не пробудив Восток, а это угрожает самому существованию Империи»[28]. Здесь лидер националистов задействовал ориенталистский мотив «спящего Востока» — пробуждение которого угрожает не только империи, но и самой «белой» Австралии. Этот аргумент оказался самым эффективным для мобилизации поддержки, так как играл на расистских и цивилизационных страхах. Оппозиционные радикалы (Гардинер, Консайдин) попытались высмеять «панический страх перед цветными», но их голоса остались в одиночестве. «Нас всего 5,5 миллиона, но в прошлую войну мы выставили больше солдат, чем Турция может содержать сегодня, и если потребуется, сделаем это снова» — заключил премьер-министр[29].

М. Чарлтон ответил уже без требования референдума — только с требованием, чтобы парламент не распускали и чтобы войска не отправляли без консультации. Он добавил болезненный укол: «Из всего, что я могу узнать, парламент Южной Африки получил самую полную информацию. Мы же не знаем больше того, что публикуется в прессе»[30]. Чарлтон использовал сравнение с другим доминионом, чтобы обнажить скрытую иерархию внутри империи (не все доминионы равны) и потребовать равноправного доступа к информации. Хьюз пообещал, что в случае серьёзной войны парламент не будет распущен, а он будет информировать парламент поступающими новостями из Лондона. Уильям Флеминг (консерватор от Робертсона) внёс последнюю ноту безусловной поддержки: «Если эта война начнётся, она будет серьёзной. Отрадно слышать от премьера, что Франция и Италия стоят за Британией. Если Британия вовлечена, мы вовлечены — без колебаний и увёрток»[31].

Дебаты 19–29 сентября 1922 г. выявили глубокий раскол в австралийском политическом классе по вопросу о характере имперских обязательств. С дискурсивной точки зрения, в парламенте столкнулись четыре различных языка описания реальности, каждый из которых предполагал собственную модель отношений с метрополией:

Безусловная лояльность — доминион как органическая часть имперского целого, для которого вопрос о поддержке метрополии не может быть предметом обсуждения.

Лояльность, обусловленная прозрачностью — поддержка Лондона при условии предоставления полной информации и учёта экономических интересов доминиона.

Лояльность через консультацию — признание имперских обязательств, но при обязательном соблюдении демократических процедур и референдума.

Отказ от лояльности — империя как инструмент классового угнетения и «империалистических авантюр».

Итоговая позиция Хьюза, сформулированная им в ходе дебатов, представляла собой сложный

[26] Senate, 20 September 1922, p. 2407.
[27] House of Representatives, 29 September 1922, p. 2942.
[28] House of Representatives, 29 September 1922, p. 2943.
[29] House of Representatives, 29 September 1922, p. 2943.
[30] House of Representatives, 29 September 1922, p. 2944.
[31] House of Representatives, 29 September 1922, p. 2945.

компромисс между первыми тремя позициями: он подтверждал лояльность (как Бест), требовал информации (как Пейдж) и настаивал на консультациях (как Чарлтон), но отвергал референдум. Переход к юридической аргументации 29 сентября стал ключевым моментом: он позволил сместить центр тяжести с опасного вопроса «хотим ли мы воевать?» на более нейтральный «обязаны ли мы по договору?». Манёвр дал временную передышку от давления оппозиции, но не решил фундаментальную проблему. Чанакский кризис поставил вопрос: может ли доминион оставаться суверенным и одновременно автоматически следовать за внешнеполитическими решениями Лондона?

Телеграмма У. Хьюза

Публичное обещание поддержки, данное 19 сентября, было тактической уступкой, призванной успокоить империалистов. Телеграмма же, работа над которой шла параллельно, стала каналом для жёсткой и нелицеприятной критики, адресованной непосредственно британскому правительству. По словам К. Бриджа глава австралийского правительства 20 сентября отправил в Лондон «уничтожающую телеграмму», в которой излил «все свои самые мрачные страхи» [Bridge, 2011, p. 102–103]. Будучи, по оценке Дж. Коттона, вне себя от ярости У. Хьюз использовал самые жёсткие дипломатические выражения, чтобы заявить, что действиями Лондона «единство Империи серьёзно поставлено под угрозу» [Cotton, 2015, p. 112].

За полтора года до Чанакского кризиса, в апреле 1921 г. накануне имперской конференции, У. Хьюз выступил в парламенте с речью о месте Австралии в имперской системе. Эта речь стала концептуальным манифестом его имперской и внешнеполитической философии. Он был способен одновременно удерживать в своей голове манихейские, имперские и националистические настроения. По словам Х. Коттона, для него «австралийский интерес включал сохранение её британской идентичности; его национализм и имперские чувства были выкроены из одного куска ткани» [Cotton, 2015, p. 106, 118]. У. Хьюз определял новое положение домениона в Империи, создавая идентичность «младшего равноправного партнёра». Премьер настаивал, что Британская империя есть не жёсткая юридическая конструкция, её единство держится «не на писаных нормах», но «монархии и британском флоте как „материальной основе нашего величия“». Основные принципы империи при этом, по мнению У. Хьюза, — «это полное и свободное признание автономии различных частей», а отношения эволюционируют по мере их «возмужания». Ключевую роль в переходе к новому этапу сыграла Великая война: «В высший час испытания Империи доминионы… облачились в тогу возмужалости и стали нациями»[32]. Хьюз был одновременно националистом и империалистом, отстаивавшим интересы Австралии используя мощь Британской империи. Будучи скорее прагматиком, а не идеалистом, он понимал: без Империи Австралия мало что значит в мировой политике. «Независимый австралийский британец», по словам К. Бриджа, он стремился сохранить идентификацию Австралии как «британской» сущности. «Мы — нация только милостью Божьей и силой Британской империи», — подчёркивал австралийский лидер. Разделяя бремя имперской обороны, Австралия получала право голоса: «государственные деятели Британии первыми признали, что с доминионами следует консультироваться по таким актам внешней политики, которые в будущем могут вовлечь их в войну»[33]. Для Хьюза-реалиста идеальной была система, в которой голос домениона услышан и учтён в рамках общеимперских консультаций. Однако окончательное решение по ключевым вопросам, затрагивающим жизненные принципы страны, оставалось за собственным парламентом. Доминион должен действовать не как колония, беспрекословно получающая приказы из Лондона, но как лояльный и при этом самостоятельный партнёр. Сама концепция У. Хьюза об участии Австралии в более широкой обороне Империи предполагала, что Австралия возьмёт на себя региональную ответственность за оборону Империи в Тихом океане, а не будет отправлять войска на имперские стычки, как например в далёкой Месопотамии в 1920 г. [Bridge, 1981, p. 75]. Таким образом, уже в 1921 г. У. Хьюз сформулировал принципы «лояльность без автоматического подчинения» и «обеспечение имперских интересов в национальном регионе».

Эти принципы подверглись грубому испытанию в сентябре 1922 г. «Положение, в которое действия британского правительства поставили доминионы, было не только затруднительным, но и глубоко унизительным», — констатировал У. Хьюз позже в мемуарах [Hughes, 1928, p. 241].

[32] Hughes W. Speech delivered in the Federal House of Representatives. Melbourne, 1921.P. 2.

[33] Hughes W. Speech delivered in the Federal House of Representatives. Melbourne, 1921.P. 4.

Он ясно дал понять, что для Австралии, по крайней мере, самоуправление бессмысленно без консультаций по вопросам внешней политики [Arnold-Forster, 1968, p. 173]. Сравнение черновика телеграммы и отправленного текста позволяет увидеть, как негодование премьера было затем введено в дипломатическое русло. Иронично, что ответ Хьюза совпадал с отдельными суждениями лейбористов Чарлстона и Гардинера.

В первую очередь он подверг резкой критике нарушение процедуры: телеграмма пришла после газет, «исключая полное и взвешенное рассмотрение позиции Союзом, что … является его очевидным правом»[34]. Более того, он несколько раз подчёркивает, что в Мельбурн «не поступало никакой информации, предполагающей, что Империя может быть вовлечена в военные действия на Ближнем Востоке». «И даже сейчас нам не сообщили, какие действия кемалистов требуют этого решения», продолжал возмущаться австралийский премьер. «Доминион не должен быть принуждён к действию преждевременными заявлениями прессы», — подытоживал он[35]. У. Хьюз прямо обвинил Лондон в сознательном лишении Австралии выбора: «нас просят принять решение не между миром и войной, ибо этот вопрос уже был решён Британией без консультации с Союзом, а о том, можем ли мы при всех обстоятельствах сказать, что не присоединимся»[36].

В черновике присутствовал пассаж, впоследствии вычеркнутый: «…этот последний акт британского кабинета точно в четырёх пунктах [совпадает] с позицией в 1914 г.»[37], — обвинение, которое, даже удалённое, осталось в подтексте. Скандальным выводом из этой претензии стала его знаменитая формула: «Если Империя — это лишь другое название для Британии… если доминионам лишь сообщают о свершившихся фактах и спрашивают, желают ли они присоединиться, когда на самом деле у них нет иной альтернативы, тогда отношения между Доминионами и Британией… то все разговоры о том, что Доминионы имеют реальную долю в определении внешней и Имперской политики, являются пустым звуком». И далее — прямое предупреждение: «такие действия серьёзно ставят под угрозу единство Империи», которое австралийский премьер, ещё недавно считавшийся ярым империалистом, резюмировал в ёмкой фразе «Империя едина и неделима, либо она ничто»[38].

Второй пласт возмущения — нежелание воевать за чужие, плохо объяснённые интересы. «Австралийский народ сыт войной по горло», — заявлял У. Хьюз прямо; в черновике он подбирал слова, зачёркивая и переписывая фразу о том, что война «~~преступление, но и ошибка~~, но и преступление», пока не отчеканил: «…рассматривают войну, кроме как в случае защиты жизненно важных интересов, не только как ошибку, но и как преступление»[39]. «Австралия не готова рисковать жизнью ни одного своего солдата ради продвижения амбициозных проектов короля Константина» или быть втянутой «за колесницей французских амбиций и интриг на Ближнем Востоке»[40]. «Империя не должна идти к войне, кроме как в защите её ясных прав и они жизненно важны для Империи», — подытоживает австралийский премьер[41]. Особое негодование у австралийского лидера вызвала апелляция Лондона к могилам АНЗАК — попытка, которую он впоследствии охарактеризовал как «использовать святое в политических целях» [Hughes, 1928, p. 241–242].

Глава Кэпитал-Хилл прямо заявляет Лондону, что Австралия «имеет право точно знать, какова политика Британии и её союзников на Ближнем Востоке»[42]. Последовавший затем поток риторических и прямых вопросов — отповедь имперскому центру, вздумавшему бряцать оружием без внятного плана. А вопрос об удовлетворении «законных требований Турции» в новом мирном соглашении поднимает вопрос о справедливости конфликта вообще. Особого внимания заслуживает требование У. Хьюза обратиться к Лиге Наций.

Несмотря на всю резкость критики, австралийский премьер завершил телеграмму подтверждением лояльности: «Австралия, несмотря на то, что с ней не консультировались, пока декларацией британского правительства Империя не была вовлечена в действие, присоединится к Британии в поддержании свободы Проливов и удержании полуострова Галлиполи»[43]. По оценке К. Бриджа, вопрос для Хьюза сводился к совпадению жизненных интересов Австралии и Британии, и если да, то поддержка будет оказана

[34] NAA CP78/32, 1. L. 225, 242.
[35] NAA CP78/32, 1. L. 225, 242.
[36] NAA CP78/32, 1. L. 225, 242–243.
[37] NAA CP78/32, 1. L. 226.
[38] NAA CP78/32, 1. L. 225, 243.
[39] NAA CP78/32, 1. L. 226, 243.
[40] NAA CP78/32, 1. L. 222, 228.
[41] NAA CP78/32, 1. L. 223, 228.
[42] NAA CP78/32, 1. L. 222, 227.
[43] NAA CP78/32. 1. L. 222, 227.

[Bridge, 2011, p. 116]. Премьер снова и снова демонстрировал, что имперская лояльность была для него практическим инструментом. Империя могла рассчитывать на Австралию, но с важными оговорками: «Мы вполне готовы сражаться в свою защиту и в защиту Империи. Но мы должны знать, куда мы идём. В хорошем деле мы готовы рискнуть всем; в плохом — ни одним человеком»[44]. У. Хьюз настаивал на том, что лояльность не может быть слепой и автоматической; она должна быть осознанной, основанной на равноправном участии в принятии решений.

Телеграмма оказалась для Лондона достаточно неожиданной. Публично Уайтхолл поспешил интерпретировать австралийскую реакцию как безоговорочную поддержку — отчасти потому, что уже успел обнародовать ответ Новой Зеландии и не мог допустить демонстрации раскола. Телеграмма была настолько резкой, что британское правительство, по свидетельству Д. Уолдера, решило «не предавать гласности канадские или австралийские ответы, чтобы не вредить делу имперского единства» [Walder, 1969, p. 216]. Впоследствии М. Белофф констатировал, что «британское правительство сделало вид, что очень нерешительная поддержка доминионов была полной» [Beloff, 1989, p. 80]. Приватная же реакция Лондона была значительно сложнее. Уже 20 сентября У. Черчилль попытался объяснить действия Лондона стремительно развивавшимися событиями на Востоке,. «Вы помните, как часто говорилось, что великой войны самой по себе можно было бы избежать, если бы Великобритания заняла ясную и чёткую позицию в начале роковой недели», — оправдывался министр по делам колоний, поясняя, что кабинет не мог медлить с опубликованием своего решения. «Я надеюсь, что вы рассмотрите любой дефект в процедуре в свете чрезвычайной ситуации и нашего стремления избежать войны», — заключал министр по делам колоний, подчёркивая, что сейчас «нет непосредственной необходимости в организации контингентов Доминионов, за исключением как средства демонстрации солидарности Империи»[45]. Одновременно Черчилль организовал регулярную отправку генерал-губернаторам подробных обзоров о ситуации на Востоке[46]. На следующий день Д. Ллойд Джордж отправил «проклятому маленькому валлийцу» пространный ответ, в котором почти извиняясь заверял, что осознаёт «важность полного информирования вас и всех моих коллег-премьеров в доминионах» и что «в мыслях не было пытаться торопить мнение Австралии или любого другого доминиона». Британский премьер, вспоминая ситуацию с «законным возмущением [доминионов — прим. авт.] в первую неделю августа 1914 г.», попытался по пунктам развеять опасения австралийского премьера, настаивая, что кризис был спровоцирован внезапным крахом греческой армии, а не британской неосмотрительностью[47]. «Я надеюсь, — констатировал британский премьер, чьё время во главе правительства было сочтено — это сообщение отвечает на основные моменты, о которых вы телеграфировали, и развеет любые опасения, которые у вас могли возникнуть, что мы придерживаемся воинственной политики в вопросах, представляющих лишь второстепенный интерес для Британской империи»[48]. В течение следующих трёх месяцев он был завален бумагами из Лондона по кризису, но за этим не последовало главного — признания самой проблемы, поднятой У. Хьюзом. К тому же ответы Лондона. по оценке П. Сайлса, всегда приходили слишком поздно, чтобы помочь в выработке политики, особенно после критики в станах парламента.

Последствия Чанакского кризиса для имперских отношений

Чанакский кризис стал мощным катализатором институциональных реформ, в совокупности приведших к трансформации Британской империи в Содружество наций. Как справедливо отмечает Х. Кафф, «Чанакский кризис заставил британское правительство признать, что статус доминионов нуждается в уточнении», «а имперская система в децентрализации» [Cuffe 2021, p. 29–30].

Если в сентябре 1922 г. возмущение австралийского премьера было направлено преимущественно на нарушение процедуры консультаций, то уже через несколько недель его фокус сместился в сторону более фундаментальной проблемы: права доминионов на самостоятельное представительство при заключении международных договоров. Поводом стала подготовка к конференции в Лозанне (ноябрь 1922 — июль 1923 гг.), призванной пересмотреть несправедливый Севрский договор. Новое британское правительство во главе с консерватором Э. Бонар Лоу уведомило доминионы, что на конференции Империю

[44] NAA CP78/32, 1. L. 224, 229.
[45] NAA CP78/32, 1. L. 238, 240.
[46] NAA CP78/32, 1. L. 220.
[47] NAA CP78/32, 1. L. 208.
[48] NAA CP78/32, 1. L. 207–211.

будут представлять министр иностранных дел лорд Керзон и британский верховный комиссар в Константинополе Г. Рамбольд, тогда как «правительства доминионов будут время от времени информироваться об общих линиях политики… и, разумеется, будут приглашены подписать новый договор»[49]. Иными словами, Лондон, казалось, не извлёк из Чанака никаких уроков: доминионам вновь предлагалось согласиться с уже готовыми решениями.

Реакция У. Хьюза была мгновенной и предельно резкой: «Мы должны продолжать по-старому, по-плохому», — констатировалось в его телеграмме от 2 ноября 1922 г. Он напомнил, что Австралия была готова воевать — «не потому, что подписала Севрский договор, а потому, что была частью Империи», — и с горечью добавлял: «Нас заверяют, что наши права были «доблестно защищены»… но в итоге два англичанина будут представлять Империю… Я могу только сказать, что это крайне неудовлетворительно»[50]. Отдельное раздражение австралийского премьера вызывало то, что «вопросы внешней политики, затрагивающие всех, рассматриваются как футбольные мячи британских политических партий», в то время как «Империя должна говорить одним голосом в иностранных делах» и не зависеть от смены британских премьеров и министров[51]. Итоговая мысль, адресованная Лондону, прозвучала предельно жёстко: «Эта привычка просить Австралию соглашаться на вещи, когда они уже сделаны и не могут быть, и когда на практике у нас есть только один курс — поддерживать Британию, — это привычка, которая, если будет продолжаться, разрушит Империю»[52]. Дж. Дарвин, суммируя значение кризиса, подчёркивает, что для самого У. Хьюза это было глубочайшее разочарование, но не повод для разрыва: осознавая, что «на практике у нас есть только один курс — следовать за Британией», он требовал лишь сделать это следование осознанным и консультативным [Darwin 2009, p. 400].

Лозаннский демарш У. Хьюза стал важным звеном в цепи событий, приведших к появлению принципиально нового для имперской практики правового механизма. Для самого австралийского премьера его конфронтационная тактика с Лондоном в его последние месяцы у власти способствовала потере политической поддержки. По словам К. Бриджа, его авторитарный стиль, демагогия и безграничная энергия были востребованы в кризис, но в мирное время те же методы вели У. Хьюза к потере власти [Bridge, 2011, 131]. После его отставки в феврале 1923 г. новый австралийской премьер Стэнли Брюс продолжил курс своего предшественника. Несмотря на разногласия по вопросам механизма коммуникаций, Брюс ни в коей мере не отменял основного осуждения, которое Хьюз вынес британскому правительству. Он полностью одобрил убеждение последнего в том, что британское отношение к доминионам серьёзно угрожает «единству Империи» [Sales 1977, p. 405]. При этом Д. Ли цитирует более широкую цель С. Брюса: изменить Британскую империю из «кластера колоний с правящей имперской метрополией» в нечто подобное «ассоциации государств», в которой самоуправляющиеся доминионы, и особенно Австралия, будут иметь реальный голос в формировании политики [Lee D, p. 31].

Как отмечает Р. Холланд, главный урок Чанака заключался в том, что «если доминионы больше не могли полностью полагаться на Великобританию в вопросах защиты, то и Великобритания не всегда могла быть уверена, что доминионы идентифицируют себя с имперской борьбой» [Holland 1981, p. 16–17]. Позиция Австралии в Лозанне отразилась и в Локарнских соглашениях 1925 г. Статья 9 гласила: «Настоящий договор не налагает никаких обязательств на любой из британских доминионов или на Индию, если только правительство такого доминиона или Индии не заявит о своём согласии с ним» [Cuffe 2021, p. 30]. Как отмечает Х. Кафф, «хотя эти события не определяли прямо статус доминионов, они провели чёткое различие между колониями и доминионами и их различными отношениями с британским суверенитетом» [там же]. Отныне внешнеполитические обязательства, принимаемые Лондоном, не были автоматически обязательными для всей Империи. Каждый доминион получал право самостоятельно решать, присоединяться ли к тому или иному международному соглашению — ровно то, чего требовал У. Хьюз в своих телеграммах в 1922 г. Правительства Канады и Южно-Африканского Союза немедленно воспользовались этим правом, отказавшись ратифицировать Локарнские соглашения. Австралия и Новая Зеландия, со своей стороны, остались лояльны метрополии, но отныне также обладали формальным правом выбора, которого у них не было в сентябре 1922 г.

[49] NAA CP78/32, 1. L. 142.
[50] NAA CP78/32. 1. L. 134-136.
[51] NAA CP78/32. 1. L. 135-136.
[52] NAA CP78/32. 1. L. 135.

Статья 9 стала прецедентом на пути к более фундаментальным изменениям. Бальфурская декларация (1926 г.) формально закрепила равенство доминионов с метрополией, а Вестминстерский статут (1931 г.) придал этому принципу юридическую силу. Позднее Арнольд-Фостер скажет: «Основания Британского Содружества были заложены не публично Вестминстерским статутом, а приватно в 1922 г. разгневанными австралийцами и канадцами» [Arnold-Forster, 1968, p. 169].

Одним из наиболее конкретных результатов Чанакского кризиса для Австралии стала разработка армейским командованием так называемого «Плана 401» — схемы отправки экспедиционного корпуса за границу в случае возникновения чрезвычайной ситуации, аналогичной сентябрю 1922 г. В нём детально прорабатывались порядок призыва, размещения, оснащения и транспортировки войск. Именно он был использован в 1939 г. для формирования австралийского экспедиционного корпуса во Второй мировой войне [Gow 1977, p. 170–171; Grey 2008, p. 138]. Таким образом, институциональная память о Чанаке оказалась встроенной в саму структуру австралийского оборонного планирования на два десятилетия вперёд.

Заключение

Чанакский кризис сентября 1922 г. стал моментом истины для Британской империи. Телеграмма, отправленная Д. Ллойд Джорджем и У. Черчиллем 15 сентября в доминионы, мыслилась как инструмент демонстрации имперской солидарности. Вместо этого она обнажила разрыв между риторикой «единой и неделимой Империи» и реальностью, в которой правительства доминионов — каждое по-своему — отказывались автоматически принимать внешнеполитические решения, выработанные в Лондоне.

Ответы доминионов образовали широкий спектр: от безоговорочной лояльности Новой Зеландии до открытого уклонения Канады и Южной Африки. Австралийская позиция, выраженная премьер-министром Уильямом Моррисом Хьюзом, заняла в этом спектре особое место: она сочетала безусловное признание имперских обязательств с самой резкой и аргументированной критикой процедуры их принятия. Его «гнев» был не капризом, а осознанной тактикой, заставившей Лондон пересмотреть саму процедуру принятия решений. Резкая фраза «империя едина и неделима, либо она ничто», прозвучавшая ещё в речи У. Хьюза 1921 г. и воспроизведённая в его телеграмме 20 сентября 1922 г., не была риторической фигурой: она выражала глубокое убеждение в том, что подлинное единство возможно лишь на основе равноправного партнёрства, а не приказов из центра. «Если Великобритания будет заключать договоры ради приобретения новых земель… то пусть она не полагается на лояльность австралийцев. Народ Австралии должен знать… и самостоятельно решать, будет ли он участвовать в имперских войнах» [Грудзинский, 1996, с. 285].

Острая реакция австралийского премьера стала катализатором процесса, превратившего иерархическую империю в Содружество наций, основанное на принципе равноправного партнёрства. Именно в этом требовании, оплаченном кровью на галлиполийских скалах, и заключалась суть той новой модели отношений, у истоков которой стоял «гнев Билли Хьюза».

Список литературы

1. Аноп А. Ф. Провал британской политики в Греко-турецкой войне 1919–1922 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 62–66.

2. Грудзинский В. В. На повороте судьбы: Великобритания и имперский федерализм (последняя треть XIX — первая четверть XX вв.). Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2018. 420 с.

3. Ильина О. В. Роль Чанакского кризиса 1922 г. в развитии англо-канадских отношений и эволюции статуса доминиона // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23 (238). С. 113–118.

4. Кашина Е. В. Австралийский союз: становление внешнеполитического курса в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 2. С. 76–85.

5. Малаховский К. В. История Австралии. М. : Наука, 1980. 400 с.

6. Скоробогатых Н. С. История Австралии. XX век. М. : ИВ РАН, 2015. 452 с.

7. Черчилль У. С. Мировой кризис. М.; Л.: Госвоениздат, 1932. 328 с.

8. Arnold-Forster M. Chanak rocks the empire. The anger of Billy Hughes // The Round Table. 1968. Vol. 58, No. 230. P. 169–177.

9. Bridge C. Australia's Refusal to Send Troops to Mesopotamia, September 1920: A Note // Journal of Australian Studies. 1981. Vol. 9, No. 5. P. 71–76.

10. Bridge C. William Hughes: Australia. London : Haus Publishing, 2011. 256 p.

11. Cotton J. W. M. Hughes, Empire and Nationalism. The Legacy of the First World War // Australian Historical Studies. 2015. Vol. 46, No. 1. P. 101–119.

12. Cuffe H. The Genesis of a Policy: Defining and Defending Australia's National Interest in the Asia-Pacific, 1921–57. Canberra : ANU Press, 2021. 254 p.

13. Darwin J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830–1970. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 800 p.

14. Gow N. Australian Army Strategic Planning 1919–39 // Australian Journal of Politics and History. 1977. Vol. 23, No. 2. P. 169–172.

15. Grey J. A Military History of Australia. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 464 p.

16. Hancock W. K. Survey of British Commonwealth Affairs. Vol. 1: Problems of Nationality 1918–1936. London : Oxford University Press, 1937. 673 p.

17. Holland R. F. Britain and the Commonwealth Alliance 1918–1939. London : Macmillan, 1981. 248 p.

18. Hughes W. M. The Splendid Adventure: A Review of Empire Relations Within and Without the Commonwealth of Britannic Nations. London : Ernest Benn, 1928. 456 p.

19. Sales P. W. M. Hughes and the Chanak Crisis of 1922 // Australian Journal of Politics and History. 1977. Vol. 23, No. 3. P. 389–404.

20. Thomas M., Toye R. Arguing About Empire: Imperial Rhetoric in Britain and France, 1882–1956. Oxford: Oxford University Press, 2017. 288 p.

21. Walder D. The Chanak Affair. London : Hutchinson, 1969. 380 p.

References

1. Anop AF. The failure of British policy in the Greco-Turkish War of 1919–1922. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2013;(368):62-66. (In Russ.).

2. Grudzinskii VV. Na povorote sud'by: Velikobritaniia i imperskii federalizm (posledniaia tret' XIX — pervaia chetvert' XX vv.) = At the turn of fate: Great Britain and imperial federalism (the last third of the 19th — first quarter of the 20th centuries). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University; 2018. 420 p. (In Russ.).

3. Ilyina OV. The role of the Chanak Crisis of 1922 in the development of Anglo-Canadian relations and the evolution of Dominion status. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2011;(23(238):113-118. (In Russ.).

4. Kashina EV. The Australian Commonwealth: formation of foreign policy in the 1920s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4: Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia = Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations*. 2018;23(2):76-85. (In Russ.).

5. Malakhovskii KV. Istoriia Avstralii = History of Australia. Moscow: Nauka; 1980. 400 p. (In Russ.).

6. Skorobogatykh NS. Istoriia Avstralii. XX vek = History of Australia. 20th century. Moscow: IV RAN; 2015. 452 p. (In Russ.).

7. Cherchill' US. Mirovoi krizis = The World Crisis. Moscow; Leningrad: Gosvoenizdat; 1932. 328 p. (In Russ.).

8. Arnold-Forster M. Chanak rocks the empire. The anger of Billy Hughes. *The Round Table*. 1968;58(230):169-177.

9. Bridge C. Australia's Refusal to Send Troops to Mesopotamia, September 1920. *A Note: Journal of Australian Studies*. 1981;(9(5):71-76.

10. Bridge C. William Hughes: Australia. London: Haus Publishing; 2011. 256 p.

11. Cotton J. W. M. Hughes, Empire and Nationalism. The Legacy of the First World War. *Australian Historical Studies*. 2015;46(1):101–119.

12. Cuffe H. The Genesis of a Policy: Defining and Defending Australia's National Interest in the Asia-Pacific, 1921–57. Canberra: ANU Press; 2021. 254 p.

13. Darwin J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830–1970. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 800 p.

14. Gow N. Australian Army Strategic Planning 1919–39. *Australian Journal of Politics and History*. 1977;23(2):169-172.

15. Grey J. A Military History of Australia. Cambridge: Cambridge University Press; 2008. 464 p.

16. Hancock WK. Survey of British Commonwealth Affairs. Vol. 1: Problems of Nationality 1918–1936. London: Oxford University Press; 1937. 673 p.

17. Holland RF. Britain and the Commonwealth Alliance 1918–1939. London: Macmillan; 1981. 248 p.

18. Hughes WM. The Splendid Adventure: A Review of Empire Relations Within and Without the Commonwealth of Britannic Nations. London: Ernest Benn; 1928. 456 p.

19. Sales P. W. M. Hughes and the Chanak Crisis of 1922. *Australian Journal of Politics and History*. 1977;23(3):389-404.

20. Thomas M., Toye R. Arguing About Empire: Imperial Rhetoric in Britain and France, 1882–1956. Oxford: Oxford University Press, 2017. 288 p.

21. Walder D. The Chanak Affair. London: Hutchinson; 1969. 380 p.

Информация об авторе

А. В. Ражев — кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Челябинский государственный университет.

Information about the author

A. V. Razhev — candidate of Historical Sciences, Associate professor of the Department of Political Science and International Relations, Chelyabinsk State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Для обработки текста статьи были использованы инструменты больших генеративных моделей.
Модель и версия: https://chat.deepseek.com/
Сценарий использования: поиск ошибок, опечаток, редактирование текста; проверка оформления сносок, списка литературы и references на соответствие требованиям; составление аннотации

Large generative model tools were used to process the article's text.
Model and version: https://chat.deepseek.com/
Use scenario: error and typo detection, text editing; checking the formatting of footnotes, bibliography, and references for compliance; abstract writing

Статья поступила в редакцию 10.05.2026; одобрена после рецензирования и принята к публикации 18.05.2026.

The article was submitted 10.05.2026; approved after reviewing and accepted for publication 18.05.2026.